

Т.Л. ЛАБУТИНА

БРИТАНСКИЙ ПОСОЛ ЧАРЛЬЗ УИЛЬЯМС И ЕГО СЕКРЕТНАЯ ПЕРЕПИСКА С ВЕЛИКОЙ КНЯГИНЕЙ ЕКАТЕРИНОЙ АЛЕКСЕЕВНОЙ

Нынешний год объявлен “перекрестным” в истории культур России и Британии. Этому важному событию Институт всеобщей истории РАН и Ассоциация британских исследований посвятили две научные конференции. Одна из них “Британский мир: опыт политического, социального и культурного развития” была проведена совместно с историческим факультетом Санкт-Петербургского университета в марте 2014 г., собрав около ста специалистов из многих российских вузов, а также из Белоруссии и Великобритании. Вторая конференция “Россия и Британия: взаимодействие культур и социумов”, в которой собираются принять участие английские ученые, состоится в ноябре в Институте всеобщей истории РАН.

Следует заметить, что Англия в исторической судьбе России занимает важное место. Это первая страна, с которой Московское государство установило дипломатические отношения еще в 1553 г. Культура Британии привлекала заметное внимание российской элиты на протяжении многих веков. Особой приверженностью к британской культуре были отмечены монархи Иван Грозный, Борис Годунов, Петр I, Екатерина II, за что ряд ученых причислил их к англофилам и англоманам. Насколько справедливо подобное суждение? Быть может, обращение к одной из страниц англо-российских отношений XVIII в. поможет найти ответ на поставленный вопрос?

Изучая тему взаимодействия британской и российской культур в XVI–XVIII вв., особо следует выделить деятельность английских послов, которые нередко совмещали ее со сбором разведывательной информации¹. Большой интерес в связи с этим представляет переписка Ч. Уильямса с будущей императрицей Екатериной II. Примечательно, что по указанию императора Александра II в 1864 г. документы были переданы в Государственный архив, где и хранились запечатанными вплоть до 1881 г., когда были затребованы императором Александром III. Спустя 12 лет их возвратили с высочайшим повелением “хранить за печатью архива”. Исследователь творческого наследия Екатерины II Я.Л. Барсков писал: “Двое царей живо интересовались письмами Екатерины Уильямсу, но не решились огласить их; это дозволил после революции 1905 г. Николай II, презиравший Екатерину II и высоко чтивший Павла I”². Лишь в 1909 г. с “высочайшего разрешения” документы опубликовали. Было ли сокрытие от общественности переписки Екатерины и британского посла случайностью или потомки императрицы это делали преднамеренно? Детальный анализ источника позволит ответить на этот вопрос.

Лабутина Татьяна Леонидовна – доктор исторических наук, профессор, ведущий научный сотрудник Института всеобщей истории РАН.

¹ *Лабутина Т.Л.* Британские разведчики в России (XVI–XVIII вв.). – Многоликость цедолого: из истории цивилизаций Старого и Нового Света. М., 2011; *ее же.* Британцы в России в XVIII веке. СПб., 2013.

² Цит. по: *Елисеева О.И.* Молодая Екатерина. М., 2010, с. 308.

Следует отметить, что указанный источник становился объектом изучения многих ученых, которые обращались к истории царствования Екатерины II. Однако чаще всего он использовался историками лишь фрагментарно³. Современные исследователи З.С. Константинова и О.И. Елисеева с большим вниманием отнеслись к эпистолярному наследию императрицы, главное внимание уделяя роли великой княгини в диалоге с послом⁴. Нас же интересует прежде всего деятельность Ч. Уильямса в Петербурге, его методы влияния на будущую императрицу.

Чарльз Генбюри Уильямс родился 8 декабря 1708 г. в семье богатого промышленника, принадлежавшего древнему роду аристократов графства Уорчестер. О юных годах Чарльза сохранилось немного сведений. В 24 года он женился на наследнице знатного рода леди Фрэнсис Конингсби. Вскоре в семье родились две дочери: Фрэнсис и Шарлотта. По семейной традиции 26-летний Чарльз занял место в палате общин, где с 1734 по 1747 г. представлял графство Монмаут. В последние пять лет своей жизни он избирался от графства Леоминстер. Уильямс всегда поддерживал партию вигов, твердо отстаивая ее интересы в парламенте, и был известен как ярый сторонник политики, проводимой премьер-министром сэром Робертом Уолполом. Хотя Уильямс и не отличался особым красноречием, но быстро приобрел известность “едкостью своих замечаний”, поскольку любил писать сатирические вирши, и изяществом манер. На взгляд издателя его переписки с Екатериной С.И. Горяинова, это был человек, “любивший жизнь и умевший пользоваться ее благами”. Поэтический и сатирический дар Уильямса пригодился ему и на дипломатическом поприще, когда в 1747 г. он был назначен послом при саксонском дворе в Дрездене: его депеши отличались “живым блестящим слогом; он легко и правдиво рисовал портреты замечательных личностей, а в своих письмах к друзьям остроумно передавал всякие события иностранной жизни”⁵. Спустя три года Уильямс был переведен в Берлин в качестве посла, однако задержался там недолго: его колкие замечания не понравились королю Пруссии Фридриху II, который потребовал отзыва дипломата. В феврале 1751 г. Уильямса вернули в Дрезден. Отсюда он неоднократно выезжал в Варшаву, где сблизился с семейством князей Чарторыйских и их свояка Станислава Понятовского. Британский посол, очарованный сыном Понятовского – Станиславом-Августом, – взял последнего под свое покровительство. Когда же сэр Чарльз был назначен послом Великобритании при императорском дворе в России в 1755 г., он предложил Станиславу-Августу должность секретаря посольства. Это назначение сыграло важную роль в сближении молодой Екатерины с британским послом. И, как утверждал издатель писем, зародившиеся при содействии Уильямса взаимные симпатии великой княгини и секретаря английского посольства графа Понятовского, воспитанника сэра Чарльза, способствовали усилению влияния последнего на Екатерину⁶.

12 июня 1755 г. императрица Елизавета Петровна на торжественной аудиенции приняла посла Великобритании. Произнося приветственную речь, сэр Чарльз Уильямс призвал императрицу “способствовать миру и тишине в Европе” и употребить свою “бесчисленную силу к благополучию своих союзников”⁷. Послу король Георг II Ганновер поручил заключить договор с Россией для защиты своих владений в Германии от нападения Фридриха II⁸. Дипломат со своей задачей справился довольно быстро.

³ Бильбасов В.А. Первые политические письма Екатерины II. СПб., 1887; *его же*. История Екатерины II. СПб., 1890; *Архангельский Д.* Переписка великой княгини Екатерины Алексеевны и английского посла Чарльза Гэнбюри Уильямса как исторический памятник. – Русская старина. М., 1910; *Павленко Н.И.* Екатерина Великая. М., 2003; *Минаев А.И.* Британский парламентаризм и общественно-политическая мысль России. Вторая половина XVIII – начало XX века. Рязань – М., 2008, и др.

⁴ Константинова З.С. Ч.Г. Уильямс и Россия. – <http://www.sgu.ru/files./nodes/9738/02.pdf>.

⁵ Горяинов С.М. Предисловие. – Переписка великой княгини Екатерины Алексеевны и английского посла сэра Чарльза Г. Уильямса. 1756 и 1757 гг. М., 1909, с. IX.

⁶ Там же, с. XIX.

⁷ Цит. по: Елисеева О.И. Указ соч., с. 316.

⁸ Подробнее о расстановке сил в Европе накануне Семилетней войны см.: История Европы, т. IV. М., 1994, с. 460–461; *Яковлев Н.Н.* Британия и Европа. М., 2000, с. 192–208.

Спустя три месяца, 20 сентября 1755 г., договор, по которому Россия обязалась выставить для защиты ганноверских владений Георга II корпус в 55 тыс. человек в обмен на ежегодную выплату 500 тыс. ф.ст., был подписан. Успех достигнутого предприятия вскружил голову дипломату, по словам С.М. Горяинова, он “самонадеянно возмечтал, посредством своего влияния на великокняжеский двор и на великого канцлера графа А.П. Бестужева, управлять политикой империи в угоду интересам Англии”⁹. Большие надежды для достижения своей цели Уильямс возлагал на 26-летнюю княгиню Екатерину Алексеевну, с ней он познакомился вскоре по прибытии в Петербург.

Первое послание, в котором Уильямс не только клялся доказать свою “вечную и ненарушимую привязанность” к великой княгине, но и обещал извещать обо всем, что доходит до его сведения “по делам Европы”, посол отправил 31 июля 1756 г. Однако, судя по доверительному тону письма, а также его содержанию (посол пытался убедить Екатерину в том, что прусский король склонен обсудить с императрицей и королем Великобритании “самые дружеские меры”), знакомство великой княгини и Уильямса произошло намного раньше. Историк О.И. Елисеева полагает, что Екатерина сразу выделила Уильямса из круга иностранных министров, когда на праздновании имени великого князя в Ораниенбауме у нее завязался с ним разговор “столь же приятный, сколь и веселый”¹⁰. Неудивительно, что Уильямс сумел произвести на молодую женщину большое впечатление, поскольку, судя по замечаниям секретаря французского посланника Клода Рюльера, британский дипломат отличался “пылким воображением и пленительным красноречием”. На этом же приеме Уильямс представил Екатерине молодого поляка, бывшего в его свите – графа Станислава Понятовского. Переписка Екатерины Алексеевны и британского посла активно продолжалась на протяжении года, с 31 июля 1756 г. по 2 июля 1757 г., и насчитывала 157 писем: автором 87 посланий являлся Уильямс, 70 – великая княгиня. Переписку оба корреспондента держали в строгой тайне: Уильямс, подписываясь литерой “А”, передавал письма через некоего Свалло, ставшего впоследствии британским консулом в Петербурге. Свои письма Екатерина для передачи вручала камер-юнкеру Льву Нарышкину, подписываясь литерой “L”. Уильямс просил Екатерину сохранять переписку в тайне, неоднократно повторяя, что их с княгиней “сношения через письма” должны оставаться “непроницаемой тайной”¹¹. Между тем сам же дипломат порой и нарушал тайну переписки, передавая свои зашифрованные записки Екатерине через Понятовского. Как позднее вспоминал молодой поляк, Уильямс нередко давал ему читать “самые секретные депеши, поручал зашифровывать их и расшифровывать ответы”¹². С.М. Горяинов высказал предположение, что Уильямс “давал списывать письма Екатерины до возвращения их обратно ей”, что и позволило сохранить переписку для потомков¹³. Таким образом, нельзя исключать, что с письмами Екатерины Алексеевны были знакомы не только посол, но, возможно, и ряд высокопоставленных лиц Великобритании, включая монарха.

Надо признать, молодая княгиня произвела на посла неизгладимое впечатление. Ее привлекательная внешность, живой ум, рассудительность, умение вести беседы на разные темы, а также явно выраженное расположение к Англии не могли оставить 46-летнего британца равнодушным. “Моя привязанность к вам... не имеет границ... мои услуги и моя жизнь... в вашем распоряжении... Ваши возражения достойны здравого рассудка Ришелье и ума Мольера”, – писал сэръ Чарльз в письме 4 августа. Спустя пять дней в очередном послании он восклицал: “Я дивлюсь вам, я вас обожаю с каждым днем все более”. Наконец 23 августа посол разразился целым потоком хвалебных слов в адрес молодой княгини: “Вы одна имеете мой секрет; мое сердце, моя жизнь, моя душа

⁹ Горяинов С.М. Указ. соч., с. XIII.

¹⁰ Елисеева О.И. Указ. соч., с. 258.

¹¹ Переписка великой княгини..., с. 86, 130.

¹² Цит. по: Елисеева О.И. Указ. соч., с. 301.

¹³ Переписка великой княгини..., с. 170.

вам преданы. Я смотрю на вас, как на существо, превосходившее меня. Я вас обожаю”¹⁴. Читатель может задаться вопросом: уж не был ли он влюблен в великую княгиню? Увы, почитателей любовных романов ждет разочарование: опытный дипломат рассматривал Екатерину всего лишь как подходящий объект для манипулирования в достижении своих целей. Что это были за цели?

В ту пору здоровье императрицы Елизаветы Петровны заметно ухудшилось. Европейские монархи, в том числе король Великобритании, были озабочены, кто наследует российский престол. Не случайно сэр Чарльз уже в одном из первых писем к Екатерине умолял сообщать ему все, что ей станет известно о здоровье императрицы. “Ничего нет на свете, что интересует меня более”, – заявлял он¹⁵. И действительно, посол постоянно интересовался у княгини, в каком здравии находилась Елизавета Петровна. Екатерина охотно отвечала. 6 сентября она извещала Уильямса о том, что императрица не может “взойти на свои лестницы без одышки” и тому подтверждением служат “подъемные машины, поставленные везде”. Спустя месяц сообщала, что состояние Елизаветы Петровны резко ухудшилось: императрица упала в обморок, “пальцы рук сжались, ноги и руки охладели как лед, глаза лишились зрения. Тут ей бросили кровь, сильно и много, и зрение и чувства вернулись ей”. Чтобы постоянно получать информацию о состоянии здоровья Елизаветы Петровны, Екатерина даже разместила своих соглядатаев в ее покоях. “У меня имеются три лица, которые не выходят из ее комнаты и которые не знают, каждое в отдельности, что они меня предупреждают, и не преминут в решительный момент сделать это”, – извещала она посла. В ответ Уильямс писал: “Я рад узнать, что вы так хорошо осведомлены о ее состоянии; это вам очень нужно”¹⁶. Посол почти не сомневался в том, что императрица доживает последние дни. В письме от 22 октября он извещал Екатерину о том, что Елизавета Петровна “кашляет кровью и задыхается; ноги ее распухли, и ее мучает грудная водянка”. Изучавшая мемуары Екатерины II М.А. Крючкова подчеркивала, что в письмах Уильямса просматривалась “смесь политического авантюризма, салонного жеманства и неприкрытого цинизма”. Более всего автора поразило, даже шокировало в письмах “почти открытое ожидание смерти императрицы Елизаветы”. Екатерина и посол сообщали друг другу признаки прогрессирующей болезни императрицы, “вовсе не притворяясь, что это их печалит”¹⁷.

Почему же британский посол уделял столь пристальное внимание состоянию здоровья российской императрицы? Известный историк XIX в. А. Брикнер отмечал: случаи вмешательства иностранных правителей в дела России бывали нередкими. “Особое внимание, – писал он, – обращалось за границу на вопросы престолонаследия; иностранные дипломаты при русском дворе иногда старались содействовать их решению. Отсутствие закона о престолонаследии, недостаток в учреждениях государственного права давали полный простор подобному вмешательству”¹⁸. Неудивительно, что правительство Великобритании проявляло заинтересованность в том, чтобы после кончины Елизаветы Петровны на троне оказалась великая княгиня, а не склонный к прусским порядкам ее супруг, великий князь Петр Федорович. Чтобы добиться поставленной британцами цели, Уильямс совместно с великой княгиней проработал план ее действий после кончины императрицы. И это был, по сути, план дворцового переворота.

Уже спустя неделю после начала переписки Екатерина упоминает о своем желании “надеть венец” и о поддержке ее в этом стремлении сэра Чарльза. “Сколько я обязана провидению, которое вас прислало сюда как ангела хранителя для того, чтобы связать меня дружбой с вами. Вы увидите, что если когда-нибудь я надену венец на царство, я отчасти вам буду обязана в этом”, – писала Екатерина 8 августа 1756 г. Она почти не сомневалась в успехе своего предприятия, убеждая посла, что “будет царствовать или

¹⁴ Там же, с. 10, 32, 78.

¹⁵ Там же, с. 13.

¹⁶ Там же, с. 121, 211–212.

¹⁷ Крючкова М.А. Мемуары Екатерины II и их время. М., 2009, с. 212.

¹⁸ Брикнер А. История Екатерины Второй. М., 1998, с. 12.

погибнет”. Вскоре Екатерина сообщает, что “занята формированием, обучением и привлечением разного рода пособников для события, наступления которого вы желаете”, отчего в ее “голове сумбур от интриг и переговоров”. Наконец 18 августа, когда резко ухудшилось состояние Елизаветы Петровны, Екатерина направляет Уильямсу уже конкретный план своих действий. “Когда я получу предупреждение настолько верное, что нельзя было допустить ошибки, о начале предсмертных припадков (императрицы), я прямо пойду в комнату моего сына... возьму его к себе... Равным образом пошлю верного человека предупредить пять гвардейских офицеров, на которых я могу положиться; каждый из них мне приведет пятьдесят солдат (в чем уже условлено, по первому сигналу), которых, может быть, я не пушу в дело, но которые будут сопровождать меня... во избежание всяких помех... Заметьте, что они получат приказание только от великого князя и от меня. Я... войду в покои умирающей, куда велю позвать капитана командующего караулом, и я лично приму его присягу и удержу его при себе... При каком-либо движении, и даже самом малейшем... я велю ... моим людям... взять под стражу Шуваловых и дежурного генерал-адъютанта. Прибавьте к этому, что младшие офицеры лейб-компания – люди надежные, и хотя я не имею сообщений со всеми, но я могу в достаточной мере рассчитывать на двух или трех из них и настолько пользуюсь уважением, что заставлю повиноваться мне всякого, кто не будет подкуплен”¹⁹. В завершении своего послания Екатерина просит Уильямса “как друга” исправить то, чего недостает в ее мыслях, и то, чего она не предвидела.

Посол на план великой княгини ответил не сразу, по-видимому, обдумывая его детали, а может, консультируясь с официальным Лондоном. Как бы то ни было, но инструкции Уильямса носили вполне конкретный характер. “В случае смерти (императрицы. – *Т.Л.*) вы, благодаря Богу, на местах. Нужно чтобы великий князь и вы явились почти тотчас, но не прежде, как присяга вам обоим не будет установлена и принесена министрами или министром, которого вы допустите первым к себе. Никто не должен целовать ваших рук прежде, чем он не присягнул. Не принимайте никого худого в первые дни, но отличайте тех, которым вы покровительствуете. Примите облик, который не выражал бы ничего, кроме значительной твердости и хладнокровия. Если великий князь Павел здоров, вы должны были бы его предьявить на ваших руках на мгновение. Нет никакой необходимости даже думать о вашей безопасности или о вашей защите. Титул великого князя ясен, как ясный день, нет лучшего в Европе его. Все согнется, распространится перед вами и взойдете на престол так же легко, как я сажусь за стол. Если найдется завещание и если оно не совсем вашего фасона (в ваших видах) лучше его устранить... Необходимо немедленно, чтоб великий князь собрал все гвардейские полки и показался им. Вот все, что я имею вам сказать по этой статье. Если будут настолько добры умереть (речь идет об ожидаемой кончине Елизаветы Петровны. – *Т.Л.*), все остальное пойдет как по нотам”²⁰. Как видно, британский посол учел все детали в подготовке дворцового переворота, который планировала великая княгиня. Его ничуть не смущало, что в наличии имелся законный претендент на российский престол – великий князь Петр Федорович, да и вообще, что это не дело иностранного дипломата обсуждать план государственного переворота в иностранной державе. В расчет послом принимались исключительно интересы британского правительства, заинтересованного в том, чтобы на престол взошла Екатерина Алексеевна, симпатизировавшая и послу, и стране, из которой он прибыл. А для этого хороши были все средства. Между тем планам двух “заговорщиков” не суждено было сбыться: императрица Елизавета Петровна вскоре поправилась.

Довольно быстро завоевав доверие Екатерины, посол начал обращаться к ней с просьбами об информации, касающейся намерений и настроений царского двора, прежде всего в вопросах внешней политики. В ту пору Великобритания и Франция соперничали за первенство в заключении союза с Россией. С Францией отношения

¹⁹ Переписка великой княгини..., с. 20, 27, 35, 47–48.

²⁰ Там же, с. 208.

были прерваны в 1747 г., однако в октябре 1755 г. в Петербург прибыл агент секретной дипломатии Людовика XV Макензи Дуглас. В его задачу входило добиться нормализации дипломатических отношений между государствами. Императрица Елизавета Петровна высказывалась по этому поводу доброжелательно. С ней солидаризировались И.И. Шувалов и вице-канцлер граф М.И. Воронцов. В то же время канцлер А.П. Бестужев-Рюмин выступал за союз с Англией, его поддерживала великая княгиня. Что касается позиции великого князя, то он симпатизировал прусскому королю. В этих условиях Уильямс был вынужден приложить немало усилий, чтобы помешать французам закрепить свои позиции при царском дворе. В одном из писем к Екатерине посол просил ее “дать знать” о любой информации, которая до нее дойдет по этому поводу. Великая княгиня обещала сообщать послу все, что “покажется достойным внимания”, извещала его о “конференции”, на ней “было единогласно постановлено” обеспечить необходимой защитой владения короля Великобритании – Ганновер. Уильямс пришел в восторг от подобного решения. “Какой благодарности к вам я должен быть преисполнен за известие о постановлении конференции, состоявшейся в прошлую пятницу! – писал он княгине. – Великий канцлер уже велел мне передать, что все идет отлично; но я не знал подробностей”²¹.

Предпринимаемые британским послом действия, направленные на то, чтобы помешать сближению России с Францией, продолжались, и Екатерина в этом ему активно помогала, поскольку смотрела на ожидаемый приезд посла Франции “с презрением”, а его самого расценивала как “врага, вооруженного с ног до головы”. Она пыталась оказывать влияние на сановников. Не исключено, что именно Екатерина инспирировала заявление своего супруга, отказаться подписать соответствующие бумаги по поводу приглашения ко двору французского дипломата. Так, она заверяла посла в том, что на ближайшей конференции императрица спросит у великого князя, почему он отказался подписать доклад, и получит ответ, что ему “было невозможно подписать по совести то, что он признает вредным”, и что французский посол может прибыть сюда с одной целью – “заводить козни”. Уильямс остался доволен позицией “молодого двора”. “Великий князь отлично сыграл свою роль, – писал он. – Я горжусь этим доказательством его благосклонности и доверия”²².

Однако вскоре великий князь, не выдержав давления со стороны канцлера, все же подписал соответствующие бумаги, заявив, что сделал это только для того, “чтобы понравиться императрице, но вовсе не потому, чтобы он одобрял самое дело”. Тем не менее Екатерина попросила Уильямса написать Петру Федоровичу письмо с выражением благодарности, полагая, что он заслужил это, “хотя бы за его доброе намерение”. Посол, моментально отреагировав на просьбу, отправил послание великому князю, попросив при этом возвратить его по прочтении. “Ваше высочество, – писал Уильямс. – Мне очень хорошо известно, насколько король, мое отечество и я сам обязаны вашему императорскому высочеству. Король... в состоянии оказать вашему императорскому высочеству знаки своей дружбы, и он к этому очень склонен. Мое отечество, находящееся в союзе с Россией непрерывно в течение двух столетий, всегда сохранит за то живую благодарность, что же касается меня, то моя привязанность и моя преданность особе вашего императорского высочества и ее выгодам прекратятся только с моей жизнью... Я не удивился тому, что ваше императорское высочество воспротивились задуманным мерам к учреждению французского посольства при этом дворе... И если сегодня Франция делает вид, что ищет дружбы императрицы, то она это делает скорее с намерением повредить Великобритании, чем с целью предоставить какую-либо выгоду этой империи”²³. Как видно, и британский посол, и Екатерина стремились к тому, чтобы великий князь стал их союзником в деле, направленном на сближение России с Великобританией.

²¹ Там же, с. 12.

²² Там же, с. 27, 31, 34.

²³ Там же, с. 37, 42, 44.

Каким же образом послу удалось так быстро не только войти в доверие к великой княгине, но и оказывать на нее столь значительное влияние? Уильямс использовал своего протеже – Станислава Понятовского, способствуя и всячески поощряя его тайную связь с Екатериной. Великая княгиня произвела на будущего короля Польши неизгладимое впечатление. “Ей было 25 лет, – описывал Понятовский одну из первых встреч с Екатериной. – Оправляясь от первых родов, она расцвела так, как об этом только может мечтать женщина, наделенная от природы красотой. Черные волосы, восхитительная белизна кожи, большие синие глаза навывкате, много говорившие, очень длинные черные ресницы, острый носик, рот, зовущий к поцелую, руки и плечи совершенной формы; средний рост – скорее высокий, чем низкий, походка на редкость легкая и в то же время исполненная величайшего благородства, приятный тембр голоса, смех столь же веселый, сколь и нрав ее... Она много знала, умела приветить, но и нащупать слабое место собеседника. Уже тогда, завоевывая всеобщую любовь, она торила себе дорогу к трону”. Примечательно, что секретарь британского посла, красочно описывавший портрет своей возлюбленной, не обошел вниманием шифровальный столик, стоявший в комнате княгини. Он не преминул заметить, что “напряжение физическое пугало ее не больше, чем самый текст, каким бы... опасным ни было его содержание”²⁴. Как видно, Понятовский был неплохо осведомлен о секретной переписке своего патрона с великой княгиней.

Красивый поляк, влюбленный или изображавший влюбленность в Екатерину, пленил княгиню. “Мы находили необычайное удовольствие в этих свиданиях украдкой, – писала в своих “Записках” Екатерина. – Не проходило недели, чтобы не было одной, двух или трех встреч, то у одних, то у других”²⁵. Роман развивался бурно, и посол этому активно способствовал, “тысячью различных способов” помогая Понятовскому связываться с Екатериной, хотя и делал это вопреки своему собственному желанию. Дело в том, что сам Уильямс был также неравнодушен к красавцу поляку. В одном из писем к Екатерине он писал: “Я полюбил Понятовского прежде, чем вы увидели его. Шесть лет прошло, как я его воспитываю, я всегда считал его моим приемным сыном”. В письме от 7 октября сэр Чарльз говорит о своих чувствах к Понятовскому еще откровеннее: “Друг столь привязанный, доверенный, столь ловкий и верный – бесценен. Какой бы он был пользы для меня в этот час, он, который разделяет мои горести и мои радости и который любит меня без интереса, который привязан ко мне без расчета и уважает меня только потому, что он знает меня. Правда, что я имею к нему нежность отца; он мой избранный, мой приемный сын, и я сам себе рукоплещу, когда я вижу каждый день, что мой рассудок и вы хвалите мой выбор”²⁶. В свою очередь Станислав с восторгом отзывался об Уильямсе, заявляя: “Он мой благодетель, и гувернер, и наставник, и опекун, которому доверили меня родители. Он так давно и нежно любил меня”. Между тем об отношениях британского посла и его секретаря вовсе сплетничали в свете. Секретарь французского посланника Клод Рюльер замечал: “Граф Понятовский свел в Польше искренние связи с сим посланником, и так как один был прекрасной наружности, а другой крайне развратен, то связь сия была предметом злословия”. Не исключено, что именно особые отношения Уильямса с молодым аристократом послужили причиной ревности посла, что однажды вылилось в публичный скандал и чуть не привело к самоубийству Понятовского²⁷.

Как бы то ни было, но вскоре влюбленным пришлось расстаться. В начале августа 1756 г. саксонское правительство Польши отозвало Понятовского на родину. Опечаленная Екатерина бросается искать утешения у британского посла, умаляя его изыскать способ возвращения любимого. Чуть ли не в каждом письме сэра Чарльза и Екатерины упоминается их общий фаворит. Великая княгиня просит Уильямса поспособствовать

²⁴ Цит. по: *Елисеева О.И.* Указ. соч., с. 298.

²⁵ Там же.

²⁶ *Переписка великой княгини...*, с. 82, 201.

²⁷ *Елисеева О.И.* Указ. соч., с. 299–300.

его назначению младшим гетманом в Польшу, а также информировать обо всем, что связано с этим человеком. “Вы просите у меня известий о нашем друге. Я вам посылаю их немедленно, – отвечал Уильямс, – и я льщусь тем, что письмо к вам очень вас обрадует”. Ознакомившись с посланием, Екатерина отвечает: “Просьба, с которой он (Понятовский. – *Т.Л.*) обращается к вам, сообщить ему, люблю ли я его, придает мне смелость вам признаться, что вы, извежая его о том, только подтвердите ему самую сущую правду. Его письмо мне доставило чувствительное удовольствие”. Княгиня просит посла выслать Понятовскому тысячу червонцев, а также прислать его портрет, полагая, что это немного отвлечет ее “от неприятной перспективы пяти месяцев отсутствия”, им предстоящие. В ответ Уильямс советует великой княгине “всеми силами подвинуть возвращение Понятовского в качестве министра”, добываясь в том протекции от канцлера: “Действуйте твердо и мягко”. Екатерина следует советам посла и 11 сентября направляет канцлеру послание: “Возвращение графа Понятовского зависит исключительно от вас. Хотите ли вы обязаться в том, что граф Понятовский вернется сюда на Рождество, так как его возвращение вашими заботами есть цена, которую я ставлю за мою дружбу в настоящем и за мое покровительство в будущем?”²⁸.

Однако не все идет так гладко, как хотелось бы тайным корреспондентам. И вот 5 октября Екатерина извежает Уильямса, что намерена получить у канцлера разъяснения, почему императрица назвала Понятовского “шпионом прусского короля”. “Я потребую бумаг, откуда она извлекает эти вещи, – даже не пытается скрыть своего гнева княгиня, – и подыму большой шум”. Уильямс заверяет Екатерину, что “усердствует” в возвращении Понятовского, как и она сама: “Боже мой, как я желаю его возвращения для собственного утешения”. Уильямс при этом также высказывал надежду, что когда-нибудь Екатерина вместе с королем Пруссии сделают Понятовского польским королем²⁹. Пока же ситуация для фаворита Екатерины и Уильямса складывалась явно неблагоприятно.

Наконец Понятовский возвращается в Петербург. Уильямс извежает Екатерину: “Я поздравляю вас столько же, как и себя, с приездом Понятовского, но припадая к вашим коленям, я прошу вас прибегать, по его приезде, к наивысшей осторожности, которую можно себе вообразить”. Посол обещает Екатерине устроить ее свидание с любимым, но просит соблюдать при этом всяческие предосторожности: “Будьте... очень осторожны по отношению к свиданиям, которые вы будете иметь с Понятовским, а в особенности, чтобы вы виделись с ним у него или в постороннем месте, но никогда у вас. Если вы войдете ночью и если вас узнают, – об этом только все заговорят и возбудят подозрения. Но если он будет пойман при входе к вам, все кончено, и его участь будет решена”³⁰. Екатерина убеждает Уильямса, что тот будет “смирнен, как ягненок”, а сама она будет следовать советам посла неукоснительно.

Между тем после возвращения Понятовского, когда Екатерина получила возможность встречаться с любимым человеком, хотя и тайно, но уже без посредничества британского посла, необходимость в постоянной переписке с Уильямсом отпадает. Оба корреспондента начинают обмениваться письмами нерегулярно, а вскоре их переписка и вовсе сходит на нет. И одной из причин тому, по мнению издателя писем, послужило возвращение к царскому двору графа Понятовского³¹.

Надо сказать, что не только сердечная привязанность Екатерины использовалась сэром Чарльзом для оказания на нее своего влияния. Не менее действенными оказались деньги. Известно, что Екатерина находилась при дворе в весьма стесненном финансовом положении. Она нуждалась в средствах для подкупа приближенных особ и для приобретения понравившихся ей драгоценностей. Познакомившись с британским послом, княгиня, по-видимому, решила обратиться за финансовой помощью к королю

²⁸ Переписка великой княгини..., с. 37, 108, 129, 161.

²⁹ Там же, с. 196, 289.

³⁰ Там же, с. 252, 302.

³¹ Горяинов С.М. Указ. соч., с. XXV.

Великобритании, как отмечал Уильямс, “в секретном письме от июля”. 19 августа посол информировал Екатерину о том, что получил благоприятное известие из Лондона: “Все, что вы предложили, разрешено с большим удовольствием, и 40 000 руб. находятся в ваших руках и в вашем распоряжении... Король приказал вам передать самые что ни на есть во всем свете любезные слова”. На следующий день Уильямс отправил Екатерине очередное послание, в котором передал адресованные ему слова короля: “Вы вручите деньги ее императорскому высочеству и взамен получите от нее обязательство сообразно с тем, что она вам предложила. И вместе с тем король вам приказывает сказать великой княгине, насколько он чувствителен ко всем свидетельствам дружбы, которые он получает от ее императорского высочества, и вы должны ее уверить от имени короля в том, что он готов и всегда будет склонен ей давать доказательства своего доверия и своей привязанности”. Екатерина, естественно, тронута знаками доверия короля и просит Уильямса передать слова благодарности его величеству: “Моя благодарность королю, вашему государю, все увеличивается, хотя мне еще неизвестны все любезности, которые он велел мне передать. Я надеюсь расплатиться с ним скорее своими услугами, чем деньгами, которые надеюсь ему возратить в исправности... Его доверие мне льстит, я надеюсь его заслужить и с достоверностью поддерживаю мнение его величества”. Давая подобные обещания, Екатерина сама себя убеждала, что “в этом заключается благо России”³².

Передавать деньги великой княгине, высланные британским ведомством, вызвался сам Уильямс, заявив, что станет ее “верным банкиром”. Посол давал советы Екатерине, как расходовать полученные средства (“из этой суммы вы будете забирать... постепенно по мере потребности”), извещает, каким образом княгиня сможет их получать (“относительно способа передачи денег, когда вам они будут нужны, ничего нет легче. Нарышкину стоит только сказать Свалло принести мне записку от вас, и я перешлю сумму к Свалло через него же. Нарышкин может ее взять у него”). Давая подобные советы, Уильямс беспокоился относительно своей личной безопасности: “Моя личная безопасность требует, чтобы никто не мог когда-либо доказать, что я вам доставлял деньги”. Однако самое главное, на чем настаивал посол, так это обязательство, которое великая княгиня должна была передать королю, собственноручно переписав его с образца, который прислал сэр Чарльз. В письме Уильямса от 23 августа 1756 г. прилагался текст данной расписки: “Я получила из рук британского посла сумму в десять тысяч ф. стерл. (44 тыс. руб. – *Т.Л.*), которую я обещаюсь возратить его величеству великобританскому королю, когда он ее от меня потребует”³³. Екатерина подобную расписку дала (этот документ хранится в Государственном архиве)³⁴, хотя и сделала это неохотно, опасаясь, что она может попасть в посторонние руки. “Что вы торопитесь с моей распиской на деньги, – возмущалась Екатерина, обращаясь к Уильямсу. – Еще недостает 4 тыс. рублей”³⁵. Примечательно, что даже в одном из последних писем к дипломату, зная, что тот покидает Россию, Екатерина просила об очередном займе: “Милостивый государь, я обязана вам ответом, который я не знаю, как сделать вам; с одной стороны, много неудовольствия от вашего отъезда, а с другой – затруднение вам сказать то, чего я хочу и как вам это сказать... Я буду говорить с вами прямо: сделайте, чтобы мне дали вперед (если вы это могли бы) такую сумму, какую я получила; если это возможно, чтобы это было еще более в тайне, чем в первый раз, и не могло ли бы это прийти без того, чтобы знали здесь, что это для меня, но для вашего употребления или под другим каким-либо предлогом?”³⁶. Так или иначе, но, судя по переписке, деньги от короля Великобритании Екатерина получила в полном объеме. О.И. Елисеева упоминает о двух полученных ею от британцев займах: 12 июля 1756 г. в размере 10 тыс. и 11 ноября в размере

³² Переписка великой княгини..., с. 54, 56–57, 63.

³³ Там же, с. 68, 79, 81.

³⁴ Там же, с. 255.

³⁵ Там же, с. 92, 257, 258.

³⁶ Там же, с. 338.

44 тыс. рублей³⁷. Что же касается последней просьбы великой княгини о займе, то, судя по всему, она осталась без ответа.

Надо признать, что британский посол предпринимал попытки склонить на свою сторону также великого князя. Хотя посол не видел в нем своего сторонника, полагая, что тот “пруссак на смерть”, тем не менее считал необходимым заручиться поддержкой Петра Федоровича, ссужая и его деньгами. “Знаете ли вы, что его высочество находится в большой нужде для получения 1600 рублей? – интересовался Уильямс у Екатерины в письме от 15 ноября. – Он просил Свалло достать ему их... я ему помогу. Простите ли вы мне этот шаг, так как я думаю, что это подарок, предназначенный для одной особы, которая носит титул любовницы”³⁸. Как видно, посол был неплохо информирован не только о финансовом положении великого князя, но и о его любовных привязанностях.

Тот факт, что иностранные дворы всегда стремились покупать расположение наследников и претендентов с целью изменения внешнеполитического курса государства, отмечает О.И. Елисеева: “Елизавета взшла на престол на французские деньги, руководимая Шетарди, которому обещали прекратить войну России со Швецией. Сын Екатерины Павел за долгое царствование матери сблизился то с одним, то с другим двором, получая займы, и, наконец, обрел постоянных союзников в Пруссии”. И как бы в оправдание явно неблагоприятных поступков Екатерины О.И. Елисеева заключает: “В этом ряду сотрудничество нашей героини с британским послом – не исключение, а правило”³⁹.

Следует заметить, что подкуп высших должностных лиц являлся обычным делом для британского посла. Не только великая княгиня и великий князь, но ряд высокопоставленных чиновников получали значительные денежные суммы от короля Великобритании через сэра Чарльза. Одним из них был канцлер А.П. Бестужев-Рюмин. Канцлер являлся сторонником союза России с Англией, что и позволило Уильямсу включить его в орбиту своих интересов. По-видимому, посол начал какие-то переговоры с Бестужевым-Рюминым, на это указывает письмо канцлера, которое он попросил переслать Уильямсу через Екатерину с просьбой вернуть его по прочтении автору. В письме, в частности, говорилось: “Ваша записка, милостивый государь, меня очень обрадовала, а в особенности виду того, что вы убедились в моей привязанности. Это служит для меня полной наградой и уверением в том, что мои труды не пойдут напрасно в дело; будьте совершенно убеждены, милостивый государь, в том, что о всю мою жизнь, и днем, и ночью, я устремлю свою мысль только на то, чтобы быть приятным и полезным для служения вам... и даже в ущерб моей жизни, я буду вам верен”⁴⁰. 23 августа Уильямс извещает Екатерину о просьбе канцлера денег у короля Великобритании. “Уже с некоторого времени великий канцлер просил меня предоставить ему крупную пенсию от короля, говоря, что ему давали здесь ежегодно лишь семь тысяч рублей и что на такое жалованье он не мог жить по своему положению, что ему были известны интересы его отечества, что он знал, что они были связаны с интересами Англии, и что поэтому тот, который служил хорошо России, служил бы Англии, и что таким образом он мог служить королю, не действуя против своей совести и не нанося вреда своему, что если бы король желал дать ему возможность жить сообразно с высоким чином, которым он был облечен, руки у него были бы свободны и он служил бы всегда только России и Англии”. Уильямс заверил сановника, что король жалует ему пенсию в 12 тыс. руб. в год. Канцлер попросил посла передать королю свою благодарность. “Скажите ему, что мы заживем вместе наилучшим образом, что я сделаю все возможное для него, что постараюсь, чтобы приняли тотчас сто тысяч фунтов стерлингов (на содержание российских войск, направленных на защиту владений короля в Ганновере. – *Т.Л.*), и что,

³⁷ Елисеева О.И. Указ. соч., с. 303.

³⁸ Переписка великой княгини..., с. 264, 275.

³⁹ Елисеева О.И. Указ. соч., с. 310.

⁴⁰ Переписка великой княгини..., с. 50.

если будет возможно, мы все покончим до приезда французского посла... И все пойдет хорошо”⁴¹.

Из переписки великой княгини с послом мы узнаем, что не только Бестужев-Рюмин получал деньги от Уильямса, но и другие высокопоставленные чиновники не стеснялись брать взятки от иностранных дипломатов. Так, в письме от 7 ноября Уильямс, говоря о канцлере, упоминал, что не знает, сколько Бестужев получил от венского двора, но что он “отлично осведомлен о сумме, которую получил Апраксин”. Двумя неделями позже посол извещал Екатерину о том, что “французский двор делал подарок ценою от восьми до десяти тысяч рублей вице-канцлеру за то, что он восстановил назначение послов между обоими (российским и французским. – *Т.Л.*) дворами”⁴². Как видно, мздоимство высокопоставленных чиновников при дворе Елизаветы Петровны являлось делом привычным. “Рассказ о продажности русского кабинета – общее место дипломатических доносений из Петербурга середины XVIII в.”, – утверждала О.И. Елисеева, приводившая примеры мздоимства сановников, среди которых значились имена супругов Трубецких, братьев Шуваловых, вице-канцлера М.И. Воронцова и других⁴³. Нередко члены правительства получали деньги сразу от нескольких держав. К примеру, тот же М.И. Воронцов, известный сторонник сближения с Францией, обещал Уильямсу изменить свою позицию, если получит достойное вознаграждение от англичан. “Эмиссар Воронцова сказал мне, что... я ни разу не обращался к вице-канцлеру надлежащим образом, – сообщал в Лондон сэр Чарльз, – что дом, который он строит в городе, был начат на английские деньги, но уж пять или шесть лет не может быть завершен, поелику сие также должно произойти за счет английских средств... Ежели не дам денег я, дадут другие”⁴⁴.

Чем же расплачивались сановники за полученные от иностранных послов немалые суммы? Бестужев-Рюмин усердно отработывал английские деньги. Так, канцлер делал все возможное, чтобы помешать сближению России с Францией. Как писала Екатерина 27 августа, канцлер ей казался “очень подогретым Англией” и старался внушить отвращение к “французским козням, чтоб им воспрепятствовать”. “Вот что произвели 12 000 рублей!”, – заключала княгиня и советовала послу продолжать свои предложения, уверяя, что английские деньги непременно возьмут⁴⁵.

Если подкупленные сановники старались действовать в интересах Великобритании, то в чем заключалась “благодарность” великой княгини, получившей солидные суммы от короля Великобритании? В письме от 28 сентября Екатерина заверяла Уильямса в своем желании “расплатиться” с королем и с английской нацией, “сделав все возможное” с помощью канцлера и других чиновников, “чтобы помешать всем глупостям”. Великая княгиня уверяла Уильямса в том, что союз с Англией всегда будет для нее “священным” и что она считает его “полезным и необходимым для России”⁴⁶. Завоевав доверие молодой княгини, Уильямс начинает ее инструктировать, как она должна действовать в том или ином случае, какие шаги предпринимать, на кого положиться из числа придворных и т.д. Екатерина охотно следовала советам британского посла. Так, обсуждая с ним кандидатуру будущего вице-канцлера (после занятия престола!), она порадовалась, что он одобрил ее выбор в лице Панина. Екатерина советовалась с Уильямсом также по поводу Бутурлина как возможного их союзника: “Бутурлин прислал мне предложить свой голос на советах, прибавив, что он готов слепо следовать тому мнению, к которому я бы желала, чтоб он примкнул. Я предоставляю вам решить это и думаю, что, несмотря на его слабость и плутовство, мы могли бы извлечь пользу

⁴¹ Там же, с. 77–78.

⁴² Там же, с. 252, 282.

⁴³ Елисеева О.И. Указ. соч., с. 311.

⁴⁴ Там же.

⁴⁵ Переписка великой княгини..., с. 90.

⁴⁶ Там же, с. 184, 281.

из него”⁴⁷. Узнав о беспокойстве посла за свою безопасность, Екатерина извещает его о том, что направила канцлеру записку, в ней “имела случай изложить очень кстати” то, что он ей “продиктовал”. “Я ко всему этому присовокупила крепкую клятву в том, что вы вовсе не его враг, как он мне это вполне определенно сказал очень туманными намеками”, – завершала свое послание княгиня⁴⁸. Когда же канцлер не ответил на одно из писем великой княгини, то она известила посла, что будет “применять” его правило: “никогда не быть в крайне хороших отношениях с ним, когда я захочу чего-либо”. А далее Екатерина предлагала воспользоваться любовью канцлера к деньгам, которая “подобна алчности паша”, и наводит ее на мысль предложить ему часть средств из выделенной ей суммы.

Время от времени Екатерина сообщала Уильямсу информацию об обсуждении при дворе (“на конференции”) вопросов, касающихся внешней политики России⁴⁹. Она передавала послу важные бумаги, попавшие ей в руки, с просьбой возвратить их по прочтении. Так, Екатерина переслала перевод депеши из Турции, документ чрезвычайно заинтересовал посла и он его “прочел с удовольствием три раза”. “Я позволю себе сохранить на два или три дня бумагу по константинопольским делам, – писал 23 августа Уильямс. – Я хотел бы знать, что сказала императрица, прочитав эту депешу”⁵⁰. Иногда посол сам проявлял инициативу и просил свою корреспондентку разузнать об интересующих его событиях. “Я прошу вас постараться узнать, что произошло на конференции в воскресенье вечером и вчера утром, – писал Уильямс 22 октября. – Дуглас (посланник Франции. – *Т.Л.*) просит конференцию, чтобы сделать большие предложения со стороны французского короля”. Когда же британскому дипломату не удалось помешать заключению версальского договора, он попросил великую княгиню “раскричаться против такого коварства... объявить канцлеру, что великий князь воспротивится этому всеми своими силами и что вы будете смотреть, как на врагов России, на всех тех, которые будут способствовать такому делу”⁵¹.

Весной 1757 г. положение британского посла при дворе императрицы заметно ухудшилось. Ему перестают доверять. 22 марта Екатерина извещает Уильямса о том, что издан приказ “распечатывать все письма иностранных министров”, направленный, скорее всего, против него одного. В ответ посол писал: “Я уверяю вас, что уже более года, как я с почты не получаю никаких писем без явных признаков того, что они были распечатаны”. И далее Уильямс заверял княгиню, что будет “на страже” по отношению к своей переписке⁵². Однако это не помогло. Потерпев неудачу в переговорах с канцлером и вице-канцлером, несмотря на их подкуп, посол вскоре заболел и попросил правительство его отозвать. Пока же, дожидаясь решения властей, он продолжал “дружить” с Екатериной, всячески стараясь заручиться ее поддержкой.

Переписка великой княгини с британским послом завершилась летом 1757 г. После получения значительных денежных сумм от короля Великобритании Екатерина заметно охладевает к посланиям Уильямса. Тем не менее она по-прежнему уверяет его в своей дружбе и уважении, подчеркивая, что его советы всегда были ей полезны и “возбудили дружбу и живейшую благодарность”. “Вы будете звеном, которое скрепит естественную дружбу, которая должна существовать между нашими обеими родинами, – обращалась она к Уильямсу, – а какое звено более крепкое, как то, которое основано на уважении и на доверии самом заслуженном? Мы преодолеем вместе наших врагов”⁵³.

Особого внимания заслуживает одно из последних писем Екатерины Уильямсу, не имеющее даты, в котором она просит передать слова благодарности королю Велико-

⁴⁷ Там же, с. 211, 112.

⁴⁸ Там же, с. 254.

⁴⁹ Там же, с. 12–13.

⁵⁰ Там же, с. 50, 79, 81.

⁵¹ Там же, с. 219, 242.

⁵² Там же, с. 332–333.

⁵³ Там же, с. 337–338.

британии: “Я смотрю на английскую нацию, как на ту, союз с которой самый естественный и самый полезный для России, и эта идея укрепилась во мне воспоминанием о личных обязательствах, по которым я должна и по которым я всегда хотела бы быть должной английскому королю, так как я истинно привязана к нему... Я охотно окажу мою поддержку кому бы то ни было, услугами коего английский король захочет пользоваться здесь”⁵⁴. Прекрасно сознавая, какую помощь (не только своими советами, но и финансами) оказал ей британский посол, Екатерина в своем прощальном письме от 2 июля 1757 г. пишет Уильямсу: “Моя дружба и моя благодарность к вам дошли до того, что... я никогда не буду в состоянии ничем расплатиться с вами. Я обращаю поэтому, коль скоро я смогу, мои обязательства к вам на благо вашей родины”. Екатерина заверяет Уильямса в том, что почитает и любит его, как своего отца, и что счастлива тем, что приобрела его дружбу: “Прощайте, милостивый государь, я желаю вам всего счастья, которое вы заслуживаете, а мне – то, чтобы я могла когда-нибудь воспользоваться вашими советами”⁵⁵.

Вскоре британский посол был отозван на родину и осенью покинул Россию. В начале ноября 1757 г. Уильямс достиг Гамбурга, где серьезно заболел. Его перевезли в Англию психически больным. Еще год Уильямс лечился, пребывая в своем поместье, однако окончательно так и не смог поправиться. Потеряв рассудок, 2 ноября 1759 г. он покончил с собой. Известный дипломат и наставник будущей российской императрицы был погребен в Вестминстерском аббатстве.

Очевидно, что дипломатическая миссия сэра Чарльза Уильямса в России потерпела неудачу: он не сумел воспрепятствовать возвращению в Петербург французского посла, а значит предотвратить сближение России с Францией. Ему не удалось также помешать началу военных действий против Пруссии и подписать новый договор о гарантии владений короля Великобритании в Ганновере. 11 января 1757 г. Россия присоединилась к версальскому договору, ранее заключенному Австрией и Францией, и тем самым оказалась в стане противников Великобритании. И хотя наша страна формально сохраняла с Великобританией дипломатические отношения, однако более чем 20-летний период сближения двух держав закончился. Принадлежность к противостоящим в Семилетней войне коалициям еще больше развела государства, и лишь революционные события во Франции в конце XVIII в. их вновь сблизили⁵⁶.

Более успешной оказалась деятельность посла в отнюдь недипломатической сфере. Информация, которую поставляла Екатерина Уильямсу, по-видимому, была не столь безобидной, если заставила Я.Л. Барскова признать, что великая княгиня выступала “на ролях английской шпионки”⁵⁷. Насколько справедливо подобное утверждение исследователя творчества Екатерины II, трудно судить, но то, что посол оказывал на великую княгиню огромное влияние, было очевидным. Кто знает, как сложились бы отношения тайных корреспондентов в дальнейшем, если бы Уильямс дожил до того момента, когда его “подопечная” взшла на трон. Ведь сам он в шутку или всерьез предлагал свою кандидатуру на пост первого министра в ее будущем правительстве, быть может, памятуя о роли Э. Бирона при Анне Иоанновне.

Между тем сама Екатерина, став императрицей, с неохотой вспоминала о своей переписке с Уильямсом. Продажа информации за деньги, подготовка переворота в интересах иностранной державы, наконец, любовная связь с иностранным подданным – все, что нашло отражение в переписке, Екатерина старалась поскорее забыть. Не случайно в последних мемуарах знакомство с британским послом и С. Понятовским императрица описывала довольно бегло, а о своей роли в событиях, связанных с ними, вообще ни словом не обмолвилась. Как отмечала М.А. Крючкова, 1756 г. оказался самым “провальным” в мемуарах Екатерины. Полный вариант мемуаров скорее замалчивает

⁵⁴ Там же, с. 339–340.

⁵⁵ Там же, с. 340–342.

⁵⁶ Подробнее см.: *Яковлев Н.Н.* Указ. соч., с. 207–208.

⁵⁷ См. *Елисеева О.И.* Указ. соч., с. 308.

события, чем сообщает о них. «Описание этого года – наглядный пример, как Екатерина-мемуаристка умела молчать и сколько всего она могла оставить за кадром своих “Записок”», – заключает автор⁵⁸. Не случайным нам представляется и тот факт, что в правление Екатерины II министры стали избегать контактов с иностранцами, поскольку “получение взятки от иностранной державы начали рассматривать как постыдное деяние. Его совершали в тайне, боясь разоблачения”⁵⁹. Скорее всего, близкое знакомство с британским послом послужило императрице хорошим уроком и заставило ужесточить контакты сановников с иностранными дипломатами. Между тем столь неблагоприятная роль Екатерины, выявившаяся из ее переписки с британским послом, по-видимому, побудила ее потомков – императоров Александра II и Александра III долгое время держать ее в тайне от общества, чтобы не компрометировать царскую династию.

И все же визит Уильямса в Россию не прошел бесследно для будущей российской императрицы. Общение с опытным послом явилось для молодой Екатерины своеобразной школой искусной дипломатии, прекрасно освоенной ею в зрелые годы. Возможно, что близкое знакомство с Уильямсом способствовало также зарождению у императрицы более глубокого интереса к британской культуре в целом, что и могло привести к зарождению мифа об англomanии и англофильстве в России в царствование Екатерины II.

⁵⁸ Крючкова М.А. Указ. соч., с. 221.

⁵⁹ Елисеева О.И. Указ. соч., с. 312.